

— Нравится! Нравится Е Нин!

Е Нин ещё не успел далеко уйти и расслышал это совершенно отчётливо. Он обернулся. Цзян Чансинь ничуть не смущаясь встретил его взгляд - в хищных, по-ястребиному острых глазах вдруг просияла детская, искренняя прямота.

Е Нин слегка опешил. Он подумал: они ведь почти не знакомы, это их первая настоящая встреча. К тому же Цзян Чансинь - главный герой этой истории, а он сам всего лишь проходной персонаж. В будущем их пути едва ли пересекутся.

С чего вдруг «нравится»?

Ах да... Е Нин кивнул про себя. Сейчас Цзян Чансинь по уму словно ребёнок. Может, его «нравится» - это просто желание играть вместе? При этой мысли Е Нин невольно нахмурился. С детьми он обращаться не умел...

— Кхе-кхе-кхе! — Чэн Чжао закашлялся так, будто вот-вот станет первым человеком, задохнувшимся собственной слюной. В отличие от Е Нина, он сохранять хладнокровие не мог.

Чэн Чжао служил при Цзян Чансине уже несколько лет. Он не знал о перерождении, но знал, что хозяин давно пришёл в сознание и вовсе не тот глуповатый недоумок, каким его считают в деревне. На людях господин разыгрывал простака, а за кулисами хладнокровно просчитывал каждый шаг. Услышать, как он громко и без запинки заявляет, что кто-то ему «нравится», - от такого у Чэн Чжао чуть челюсть не отвисла.

— Бах! Треск! - где-то над головой хрустнула черепица, будто на неё кто-то наступил.

Если уж Чэн Чжао был потрясён, то что говорить о Юй Юане, который обычно и бровью не поведёт, даже если перед ним рухнет гора? Скрываясь в темноте, он от неожиданности оступился и нечаянно раздавил ногой черепицу на крыше.

Госпожа Цзян подняла голову:

— Что это за звук?

Не дав ей как следует прислушаться, Чэн Чжао поспешно ответил:

— Госпожа, должно быть, дикая кошка. Дождь сильный, вот они и ищут укрытия.

Её мысли были заняты другим, она лишь кивнула и, снова улыбнувшись, посмотрела на сына:

— Синь-эр, ты это серьёзно?

Цзян Чансинь энергично закивал, так, что голова чуть не отвалилась. Его «глуповатый» вид был столь убедителен, что Чэн Чжао едва удержался, чтобы не закрыть лицо руками.

Улыбка госпожи Цзян стала ещё шире, радость светилась в каждом её движении. С детства её сын был с повреждённым разумом. Он всегда улыбался, но, кроме родных, никого настоящего не замечал. С деревенскими держался отчуждённо. Люди боялись дома Цзян, но за спиной судачили, мол, у них сынок-дурачок.

А теперь он сам, без понуждения, при всех говорит, что кто-то ему нравится...

Госпожа Цзян всегда тревожилась: Синь-эр растёт таким наивным, таким несмышлёным, что же с ним будет дальше? Если она с мужем уйдут раньше него, а он останется всё таким же, не окажется ли он совсем один? Он ведь не понимает ни этого, ни того, вдруг его станут обижать, ругать, обманывать? Стоило ей подумать об этом, как сердце матери, пусть и не родной, сжималось от тревоги.

И вот теперь Цзян Чансинь вдруг заявил, что ему нравится Е Нин. Во-первых, это подарило ей надежду: если он способен полюбить кого-то, значит, его разум ещё можно вернуть, можно выправить. Быть может, со временем он станет таким же, как все, и полностью придёт в себя. Это был добрый знак. Во-вторых, и здесь она не могла отрицать долю материнского эгоизма, ей хотелось найти человеку, который встанет рядом с её сыном, того, кто сможет заботиться о нём. Чтобы, когда старшие уйдут, Синь-эр не остался в этом мире один, без поддержки.

Об этом Е Нине она уже слышала. Первый красавец деревни Цинтянь, тут и говорить нечего, равных ему по внешности не сыскать. Раньше госпожа Цзян думала, что он лишь красив лицом и, как прочие геры, тихо ждёт, когда его выдадут замуж.

Но при встрече всё оказалось иначе. Хрупкий, тонкий, словно вот-вот ветром сдует, а не побоялся броситься спасать Цюань Цяня. Такая смелость редка не то что среди геров - среди мужчин её не каждый сможет. К тому же он рассудителен и образован: говорит мягко, приятно, но и мысли его звучат стройно и ясно.

И наконец, у него золотые руки. Госпожа Цзян сама пробовала его лапшу «пьяньэрчуань» и закуску из рыбы. Это не просто лучшая стряпня в деревне, даже в уездном городе трудно найти что-то лучше. А главное, даже её сын, страдающий болезнью отвращения к пище, смог съесть несколько глотков. Разве это не чудо?

Чем больше она размышляла, тем больше убеждалась: Е Нин хорош во всём.

Но улыбка на её лице вдруг дрогнула, тонкие брови сошлись к переносице, и она тихо вздохнула. Всё в нём прекрасно... да вот только, говорят, здоровье подорвано, детей иметь не сможет. Впрочем, подумала она, и у неё самой с мужем не было родных детей, разве не

вырастили они приёмного сына? И живут ведь. Если судьба сведёт их, дальше всё сложится само собой.

Тем временем:

— Апчхи... апчхи!

Е Нин закончил купание, переоделся в чистую одежду. Служанки приготовили для него комнату - сегодня ему предстояло остаться в доме Цзян. Ночь была уже слишком поздняя, в доме стихло движение; с благодарностями и дарами к нему придут утром, соблюдая все приличия.

Е Нин закрыл дверь гостевой комнаты и, не удержавшись, дважды чихнул. Почему-то зябко тянуло по затылку, будто кто-то за спиной поминает его недобрым словом.

— Апчхи! — он улёгся на мягкое ложе, укрылся одеялом и пробормотал: — Неужели простыл под дождём? Вот уж тело, ни на что не годное... Надо бы заняться собой, потренироваться как следует...

Дождь лил всю ночь, а к утру распогодилось.

Постель в доме Цзян была мягкой, куда лучше, чем в его убогой каморке при лапшичной. За эту ночь он по-настоящему отдохнул. Е Нин взглянул на светлеющее небо, поднялся и привёл себя в порядок.

Тук-тук. Из-за двери послышался голос служанки:

— Почтенный гость уже встал?

— Встал.

— Просим к умыванию. Госпожа велела подать завтрак и приглашает вас в столовую после умывания.

— Благодарю.

Служанка внесла тёплую воду. Е Нин умылся, аккуратно оделся и вслед за ней направился в столовую. Усадьба семьи Цзян занимала почти весь север деревни. Огромный дом с переходами и закоулками: миновали несколько галерей, прошли через пару внутренних ворот, и лишь тогда добрались до столовой.

Внутри уже собрались: госпожа Цзян, молодой господин Цзян Чансинь, вчерашний гость из семьи Цюань - молодой господин Цюань Цянь, а также двоюродный брат Е Нина, Чжан Чжиюань.

Заметив его, Чжан Чжиюань вскочил:

— Е Нин! Ты в порядке?

— Всё хорошо, — спокойно ответил Е Нин. — Прости, что заставил тебя волноваться.

Госпожа Цзян приветливо улыбнулась:

— Нин-гер - наш почётный гость. Прошу к столу.

Цзян Чансинь тут же поднялся и сам отодвинул для Е Нина стул. С орлиными глазами и высоким станом, он вёл себя как большой преданный пёс - смотрел на Е Нина с ожиданием и почти детской искренностью.

— Благодарю, — кивнул Е Нин и сел.

Служанка поднесла котёл с кашей, но Цзян Чансинь перехватил половник. Не доверяя никому, он собственноручно налил Е Нину полную чашу. Это была не простая жидкая похлёбка, а густая каша с дорогими дарами моря, питательная и сытная.

Причём молодой господин ничуть не стеснялся. Чтобы всем было ясно, кому он отдаёт предпочтение, он выловил из котла все самые ценные кусочки - креветки, крабы, морские огурцы, сушёные гребешки и переложил их в чашу Е Нина, так что она наполнилась доверху.

— Ай... ай... — каша была слишком горячей; ладони Чансиня покраснели, он втянул воздух сквозь зубы, но всё равно бережно поставил чашку перед Е Нином. Глаза сияли, улыбка была простодушной и счастливой.

— Ешь! Ты ешь.

Е Нин слегка смутился. Молодой господин семьи Цзян оказался чересчур искренним в гостеприимстве, выгреб для него почти всё лучшее. А за столом ведь сидят и другие, неужели им ничего не останется?

Увидев, что Е Нин не притрагивается к еде, Цзян Чансинь схватил чистые палочки и принялся накладывать ему ещё - большие мясные лепёшки, паровые булочки с начинкой. Он складывал их в чашку Е Нина горкой, одну на другую, так что нижняя булочка едва не лопнула от давления!

Е Нин: «...»

Этот Цзян Чансинь был неприлично заботлив.

— Довольно, — поспешил остановить его Е Нин. — Я столько не съем.

— Ешь больше, ешь! — радостно отозвался Цзян Чансинь.

Госпожа Цзян, глядя на сына, который так старательно ухаживает за кем-то, чувствовала, будто мёда отведала. Сердце её сладко таяло: значит, Е Нин для него и вправду особенный. Улыбка растянулась почти до ушей.

— Хватит, — мягко остановила она сына. — Ты так завалишь чашку, как же Нин-гер есть будет? Всё надо по порядку, по одному блюду, верно?

Цзян Чансинь послушно сел, но продолжал смотреть на Е Нина с ожиданием:

— Ты ешь. Ещё есть.

У Е Нина нервно дёрнулся глаз. Он слышал от деревенских, что молодой господин Цзян и глуповатый, и замкнутый. Глуповатый, возможно. Но замкнутый? Да он куда общительнее многих.

Е Нин взял ложку, осторожно подул на горячую кашу и начал завтракать.

Цзян Чансинь сидел рядом, чуть повернувшись к нему корпусом. Взял булочку, но не мясную, а простую, белую, без начинки.

Е Нин откусил мясную булочку - Цзян Чансинь откусил белую.

Е Нин сделал глоток морской каши - Цзян Чансинь сделал глоток...

Только вот в его чаше не было ни морской каши, ни даже обычной - там стояла простая вода.

Е Нин невольно задумался. Цзян Чансинь был высоким, крепким юношей, в деревне таких немного. А ел он удивительно мало: ни кусочка мяса, пару укусов булочки, глоток воды, и уже откладывает палочки. словно бедный ребёнок, которого морят голодом.

Госпожа Цзян уловила его недоумение и мягко улыбнулась:

— Прости, что тебе приходится это видеть. Не стану скрывать: у Синь-эра болезнь - отвращение к пище. Обычно он даже к столу не садится и не ест вместе с нами. Сегодня исключение. Он ведь ради тебя сюда пришёл.

— Болезнь отвращения к пище?

Сомнение в глазах Е Нина не рассеялось. Он помнил, что в книге говорилось лишь о том, что главный герой, Цзян Чансинь, с детства был умственно неполноценным и лишь позднее пришёл в норму. О каком-либо расстройстве питания там не упоминалось.

— В моей лапшичной, — сказал Е Нин, — я готовлю особые соусы. В них нет ни мяса, ни резкого запаха. Если намазать на булочку, хорошо идёт к еде. Не знаю, сможет ли молодой господин это есть. Если вы не против, я сейчас принесу.

Госпожа Цзян хотела отказаться - она-то знала сына лучше всех. Кормить Чансиня было настоящей мукой: это не ест, то не переносит. Жирное - слишком тяжёлое, рыба и морепродукты пахнут, субпродукты и баранина - отдают душком. Даже воду нужно процеживать по несколько раз - если почувствует малейший привкус земли, может вырвать.

— Не стоит хлопотать, Синь-эр он...

Она не успела договорить, как Цзян Чансинь энергично закивал. На самом деле аппетита у него не было вовсе. Уже от одного запаха морской каши и мясных булочек желудок сводило спазмом. Тошнота подкатывала к горлу, и он едва сдерживался. Но чтобы подчеркнуть своё «особое» отношение к Е Нину, он кивал изо всех сил.

Е Нин поднялся:

— Это не хлопотно. Лапшичная рядом. Я быстро.

Госпожа Цзян нахмурилась:

— Дождь лил всю ночь. Дороги размыло. Я пошлю с тобой кого-нибудь проворного.

Цзян Чансинь вскочил первым:

— Я пойду! Вместе!

Как раз будет возможность побыть с Е Нином подольше. Когда позже он явится свататься, это не покажется слишком внезапным. В голове Цзян Чансиня всё уже выстраивалось чётко и последовательно, шаг за шагом.

Но, увы, всегда находится кто-то, кто не понимает намёков. Двоюродный брат Е Нина, Чжан Чжиюань, искренне преградил дорогу:

— Как можно тревожить молодого господина, чтобы он шёл по лужам? Я сам провожу Е Нина.

Цзян Чансинь: «...»

Вот уж поистине книжник без малейшего чутья.

<http://bllate.org/book/15118/1421416>